«Институты благородных девиц» под прицелом периодической печати

Варвара Пономарева

В статье на основе изучения архивных материалов и периодической печати рассматривается кампания, развязанная в СМИ против традиционных женских учебных заведений – закрытых институтов Мариинского ведомства, анализируются причины происходящего.

Ключевые слова: женское образование, Мариинские институты, периодическая печать, цензура, реформы.

В конце 1850 гг. русское общество вступало в новый период своего развития. Начавшиеся глубокие социально-экономические и политические преобразования всесторонне обсуждались на страницах периодической печати, чему способствовало изменение прежде жесткого цензурного режима. Необыкновенно насыщенная и сложная картина, какую представляла русская журналистика в годы «великих реформ», дает обильную пищу для изучения общественной мысли, литературного движения, русской культуры в целом и заслуженно привлекает внимание исследователей[1].

Одной из наиболее дискуссионных тем в 1860 гг. стало обсуждение школьной реформы, в частности женского образования, важнейшим слагаемым которого в ту эпоху являлись закрытые женские институты Ведомства учреждений императрицы Марии.

Женские институты Мариинского ведомства в 1860 гг.

Ведомство учреждений императрицы Марии объединяло под своей крышей учебные, благотворительные и лечебные учреждения. Наибольшее внимание среди них уделялось женским институтам, которые состояли под покровительством императорской фамилии. Некогда первый инсти-

Пономарева Варвара Витальевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории русской культуры исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, v1789@mail.ru

тут, основанный в 1764 г., – Воспитательное общество благородных девиц (Смольный) положил начало системе женского образования в России. Институты (их к 1855 г. насчитывалось 28) давали своим воспитанницам, среди которых было немало сирот и дочерей бедных родителей, основательное среднее образование, включавшее знание иностранных языков, музыкальную подготовку. Полученные знания позволяли нуждающимся заработать себе на жизнь, помогать своим семьям.

До кончины императора Николая I не только критика, но даже и сколько-нибудь серьезное обсуждение в печати дел Мариинского ведомства не допускалось. В конце 50 гг. XIX в. быстро менявшаяся социально-экономическая обстановка в стране, кризис традиционного общества и патриархальной семьи вызвали к жизни пресловутый «женский вопрос», поставив на повестку дня необходимость зарабатывать своим трудом большому числу женщин. Для этого нужно было открывать доступные для разных сословий новые женские учебные заведения и реформировать уже существовавшие. В Мариинских институтах с XVIII в. сохранялся порядок изоляции воспитанниц, отвыкавших за годы учения от своих близких, от семейной жизни и не получавших знаний об окружающей действительности; поддерживалась авторитарная власть начальниц, тогда как положение учителей было приниженным; прием в институты организовывался по сословному принципу; в серьезной перестройке нуждался весь учебный курс. С воцарением Александра II в России начался период преобразований, не обошел он всю систему народного просвещения, в том числе и женские институты. С весны 1860 г. вступил в силу разработанный великим педагогом К.Д. Ушинским проект глубоких реформ, воплощавшийся им самим прежде всего в главном институте страны, являвшимся образцом для всех прочих, – в Смольном. Впоследствии аналогичным же образом перестраивались и все остальные институты.

Реформирование русской школы в те годы проходило в непростых условиях. Накапливавшиеся долгое время протестные настроения, подавлявшиеся в николаевское царствование, подобно сжатой до предела пружине, вдруг высвободились, и эффект этого освобождения оказался чрезвычайным. Русское общество «с каким-то исступлением занималось беспощадным самообличением, самобичеванием», началась «хаотическая критика всего дела воспитания и обучения во всем его прошлом»[2]. Пишущая братия не стеснялась в выражениях относительно как учреждений, так и лиц, а оскорбления зачастую оставались безнаказанными. Характеризуя публикации в прессе, корреспондент «Журнала министерства народного просвещения» писал: «факты, факты и факты один другого грознее, один другого печальнее <...> Трагическим ужасом наполняется сердце, когда читаешь рассказ о всех этих недостойных своего звания директорах, инспекторах, штатных смотрителях, учителях», и в результате создавался «односторонний взгляд на наши школы», а «слова “начальник, учитель” делаются постоянными синонимами деспотизма и бездарности»[3]. Отношение к школе и педагогу в эти времена становилось отголоском возмущения, которое вызывала государственная машина. В широком смысле учитель, воспитатель, наставник – это старший, обладающий властью, поборник дисциплины, хранитель и транслятор опыта, традиций, общепринятых норм, которые подвергались резкой критике и серьезному пересмотру, что являлось показателем глубокого кризиса русского общества.

Н.А. Добролюбов: беглый взгляд на женское воспитание

Женские учебные заведения, которые действовали к началу эпохи «великих ре-

форм», по царящему в обществе мнению, не заслуживали доброго слова. Одним из тех, кто начинал публичное обсуждение (или, вернее сказать, осуждение) женских учебных заведений, был Н.А. Добролюбов. Виной всей без исключения русской женской школы, по его мнению, было то, что девушки «не приготовлялись к общественной деятельности». Они лишь приобретали «привычки и претензии, которые в их круге решительно неуместны, неисполнимы»[4], как писал критик в своей статье в «Русском вестнике». К Добролюбову, «стоявшему во главе русской литературы»[5] прислушивались, им зачитывались, цитировали. Но смог бы 22-летний юноша объяснить, что он имеет в виду под участием девушек в «общественной деятельности» в России того времени? Какие «претензии» можно было предъявлять институткам, которых будили в 6–6.30 утра, приучали самих одеваться и причесываться (в отличие от подавляющего большинства дворянских дочерей, живших дома), умываться холодной водой, скудно кормили, одевали в единообразную грубую одежду, усаживали за парты на несколько часов? Кроме того, они должны были приготовить уроки на следующий день, заниматься музыкой и танцами, рукодельем и чтением – и так каждый день, кроме воскресенья. Суждения подавляющего большинства писавших об институтах, в том числе и Добролюбова, убеждают в том, что они недостаточно были знакомы с предметом своей критики.

Взгляд «новых людей» на «институты благородных девиц»[6]

Закрытость институтов порождала множество измышлений, вплоть до самых фантастических. Н.Г. Помяловский в повести «Молотов», опубликованной в «Современнике», поведал об обычных наказаниях в институтах: «на провинившуюся девицу надевается рубашка сумасшедших <...> и в таком виде несчастная кладется на кровать больной», и так до «пяти и более дней». Тех же, кого не смиряла и эта мера, запирали в «особую комнату», где они содержались «по полугоду и более». С его легкой руки институток стали величать «кисейными барышнями», закрепились образы классных дам – озлобленных «прокислых старых дев», повторялись анекдоты о «высоконравственных начальницах», по чьему приказу «разводили кур от петухов» в Великий пост. Более того, говорили о вымогательстве, «фальшивых институтских характерах», поглощении институтками уксуса, мела и грифеля, даже намекали на лесбийские отношения[7]. В повести Помяловского были обозначены основные темы, которые так или иначе позже повторялись другими авторами. В 1862 г. в отличавшемся наибольшим радикализмом журнале «Русское слово» публиковался ряд материалов, направленных против институтов. В первом номере было помещено «Письмо из провинции», подписанное псевдонимом «Старая институтка», которое завершалось словами: «Я видела многих из моих подруг на разных ступенях жизни, богатых и бедных, счастливых и несчастных, и всех их видела в одном состоянии – совершенного самоуничижения»[8]. В «Письме» нет никакой конкретной информации, а ошибки, которые в нем содержатся и общий стиль письма указывают на то, что автор, по всей видимости, – мужчина. Во втором номере фельетон «Дневник темного человека» клеймил сохранявшиеся в институтах «башкирские законы», где подчиненным не дозволялось сидеть в присутствии вышестоящих и т.д.[9]; в шестом номере высмеивалась начальница, вздумавшая судить о литературе в присутствии учителя самым нелепым образом[10]. Корреспонденты «Русского слова» и позже то в приподнято-обличительном, то в насмешливом тоне бичуют институты (иногда обозначая их нейтральными наимено-

ваниями, но из текста очевидно, что речь идет именно об институтах)[11]. Реформы институтов, все то новое, что вводилось в институтскую повседневность по проекту Ушинского и других, оставалось незамеченным критиками.

В 1862 г. журнал «Учитель», издававшийся И.И. Паульсеном и Н.Х. Весселем, избрал своей мишенью начальницу института, которая, чтобы освободить место другой женщине, выселила тяжело болевшую служительницу из ее жилья в общий лазарет, где та вскоре умерла. Первый очерк «Гуманная начальница» не содержал конкретных данных, однако впоследствии были обнародованы и название учебного заведения, и имена участников драмы. Публиковались мнения как причастных к событиям, так и посторонних лиц, собственный редакционный комментарий, в обсуждение включился и «Сын Отечества». История таким образом получила огласку. Посвятив обличению институтских порядков немало страниц, в конце концов «Учитель» все же был вынужден признать: начальница была оклеветана родственницей умершей, которая «искала этого места [т.е., должности, которую та занимала в институте. – *В.П.*] и получила отказ».

Однако редакторы педагогического журнала и не думали принести извинения, напротив: нимало не смущаясь, они продолжали укорять свою жертву, обвиняя ее теперь уже в том, что она лично не вступила с ними в полемику. Паульсон и Вессель «предложили» начальнице, чтобы она «сама изложила, как происходило дело, и объяснение свое, за подписью всех служащих в заведении лиц, прислала в редакцию». Это вопиющее требование редакторы сопроводили напоследок длинным нравоучением: «есть много людей, считающих себя вправе не давать отчета о своих действиях и поступках никому, кроме разве тем, кого они признают равными себе или выше себя», ведь «с малолетства уже им вселена мысль, что общество состоит <...> из начальников, бар и особ благородных <...> и из подчиненных, холопей и персонажей неблагородных, простых, которые <...> не нуждаются в чрезмерно деликатном обращении»[12]. Самих редакторов «упрекнуть» в сколько-нибудь «деликатном обращении» с персонажами своих публикаций было невозможно. (Сам Н.Х. Вессель в резких выражениях обличавший в своем журнале и Мариинские институты, и классных дам с начальницами[13], пережив, очевидно, юношеский радикализм, служил инспектором классов в петербургском Елизаветинском институте в 1877–1885 гг.)

Либеральная печать о Мариинских институтах

Однозначно критическую позицию в отношении женских институтов Мариинского ведомства занимали отнюдь не одни только периодические издания демократического лагеря. В 1860 г. либеральный «Русский вестник» М.Н. Каткова напечатал длинную статью Г.Ф. Головачева «О женских учебных заведениях». Эта публикация отличалась от всех прочих тем, что, отдав дань типичным резким оценкам, преувеличениям и нелепым анекдотам об институтской жизни, автор сделал и верные замечания, предлагая свои способы исправить существующие недостатки[14]. Впрочем, и он не заметил вступившей в силу к моменту написания статьи перестройки институтской системы. Впоследствии Головачев признавался, что «статья писана им под влиянием желчного раздражения по случаю неосуществившейся тогда надежды его сделаться инспектором института»[15].

В 1864 г. в славянофильской газете «День» появилась заметка под названием «Женские взятки» за подписью «Бывшая воспитанница». Речь в ней шла о некоем институте, где из-за вымогательства начальства воспитанницы были вынужде-

ны покупать за свои деньги бумагу и перья, им настоятельно советовали самим оплачивать одежду, несмотря на наличие «казенного платья, деньги на которое отпускаются от казны», постоянно делались сборы «на подарки начальнице и надзирательницам». Отмечалось также, что пища отпускалась «в самом ограниченном количестве и самая плохая», так что все, кто располагает средствами, «покупают кушанье у институтских кухарок», гостинцами от родных девочки обязаны делиться с «надзирательницами», книг и учебников недостает, а во время уроков рукоделия наряды шьются для начальства[16].

Еженедельная газета славянофильского направления, издававшаяся в Москве И.С. Аксаковым, пользовалась общественным авторитетом и имела большой тираж. Возможно, поэтому статья вызвала серьезнейшую реакцию в Мариинском ведомстве. В обсуждение дела оказались вовлеченными высшие чины империи: министр внутренних дел, шеф жандармов, московский военный генерал-губернатор, глава IV Отделения Собственной Его имп. Величества канцелярии (Мариинского ведомства), а затем Комитет министров и – сам император[17]. Глава Мариинского ведомства принц П.Г. Ольденбургский в письме министру внутренних дел П.А. Валуеву назвал тон статьи «неслыханно самоуверенным» и просил выяснить у редактора имя автора, ведь в статье не названо «обличаемое учебное заведение», и таким образом «набрасывается тень на все без исключения», при этом «пресечь злоупотребления, если бы таковые действительно где-либо оказались», невозможно. Тем временем московский почетный опекун князь Н.И. Трубецкой проницательно заметил, что этот «бездоказательный пасквиль» – не женского пера. И действительно, Валуев вскоре сообщил, что автором является «отставной надворный советник Александр Николаевич Аксаков, жительствующий в Москве», родной племянник редактора газеты. Публицист и переводчик, он был известен как медиум и приверженец спиритизма.

Узнав имя автора, принц Ольденбургский обратился к шефу жандармов князю В.А. Долгорукову с просьбой «истребовать <...> указания заведения, в котором происходят <...> непозволительные вещи, равно доказательств в подтверждение его слов, ибо голословное печатное заявление о подобных злоупотреблениях не только *можно*, но и *должно* [Здесь и далее курсив документов. – *В.П.*] признавать за клевету». Александр II, которому было доложено об обстоятельствах дела, распорядился, чтобы автор был допрошен лично военным генерал-губернатором Москвы. Аксаков сообщил ему, что в статье «Женские взятки» речь идет о московском Екатерининском институте. Защищаясь, Аксаков ссылался на то, что «точное указание местности и лиц строго воспрещены существующими цензурными правилами». А затем перешел в атаку: с бесшабашным нахальством заявил генерал-губернатору, что «справедливость этой статьи может быть вполне обнаружена только строгим формальным следствием над самим институтом, допросом всех воспитанниц без исключения, а также и некоторых вышедших». Таким образом, Аксаков, как и редакторы «Учителя», возлагал необходимость оправдания на обвиненных, не утруждая доказательствами себя.

В Ведомстве учреждений императрицы Марии

В Ведомстве это «предложение» было расценено как издевательство. Ольденбургский писал императору о том, что в институтах, насколько возможно, поддерживали «склад отношений семейных», и потому «формальное следствие над начальницею закрытого заведения немыслимо, когда в ряду свидетелей должны стать воспитанницы, *ибо это равнялось бы допущению по-*

казаний детей против родителей». Следовательно, Аксаков «умышленно предложил такой несбыточный и безнравственный способ, дабы иметь право сказать, что ему преградили путь к доказательству справедливости его статьи. Другими словами, он укрылся под защиту уловки», заключал глава Ведомства.

Между тем о Екатерининском институте князем Трубецким были собраны подробные сведения. В его отчете сказано, что бумага и перья хранятся не у классных дам, а у помощника инспектора классов и раздаются «в весьма достаточном количестве»; девочки покупают лучший сорт бумаги, лишь если «желают пощеголять»; «пища приготовляется всегда из свежих припасов и в достаточном количестве», ее качество постоянно контролируют (причем, «удостоверяясь в доброкачественности пищи <…> пробывали оную не из образцовых порций, а из тарелок воспитанниц»). Трубецкому удалось выяснить источник сведений Аксакова: им оказалась воспитанница Яновская, которая «сперва была в числе отличнейших девиц». В результате преобразований институтской системы ликвидировали закрытость институтов и ввели отпуска на каникулы, а затем и на праздничные и выходные дни, воспитанницы (чьи родственники жили в городе) стали часто покидать институтские стены и участвовать в повседневной общественной жизни. Выяснилось, что Яновская «внезапно изменилась в поведении и мыслях <…> вероятно вследствие знакомства с распространителями нынешних воззрений на предназначение женщины»: «по возвращении из отпуска после каникулов 1864 г. вдруг совершенно изменилась и упросила мать взять ее из заведения, где, по ее мнению, учениц держат как в монастыре». Позднее стало известно, что девушка «как будто одумалась» и просила прощения у своей классной дамы. В начале 1865 г. император утвердил решение Комитета министров о том, чтобы статьи, «подобные» написанной Аксаковым, непременно подписывались.

Ведомство нечасто откликалось на оскорбительные публикации. В 1861 г. Н.А. Вышнеградский, бывший инициатором учреждения женских гимназий в России, а также инспектором Павловского института, прочитав направленную ему для отзыва статью, взывал к своему начальству: «умоляю его [принца П.Г. Ольденбургского. – *В.П.*] <…> дозволить ее напечатать», потому что «статья слишком безграмотна по изложению и ничтожна по содержанию, чтоб могла произвести какое-нибудь впечатление на публику». Она наверняка пройдет незамеченной, «но стоит только запретить ее, и в публике тотчас поднимется говор; всякий будет искать прочесть гонимую статью»[18]. Подобный же отклик вызвала публикация в журнале «Эпоха» статьи Ф.М. и М.М. Достоевских «Институтка» (1864). Обмениваясь мнениями, чиновники Ведомства пришли к заключению, что, хотя изложенные в статье «подробности частию неосновательны и ошибочны, частию же касаются таких недостатков, которые уже устранены введенными преобразованиями», препятствий «к напечатанию сей статьи» нет[19].

«Une education brilliante»: более вредно, чем полезно

Институты обсуждались в 1865–1866 гг. в газете «Голос», редактором которой был А.А. Краевский. Одно время газета получала субсидию Министерства народного просвещения, за что М.Н. Катков называл это издание «официозом петербургских педагогов». В газете утверждалось, что «всякое закрытое учебное заведение (интернат) есть непременное зло, хотя в иных случаях и неизбежное», поскольку вызывает «крайнее ослабление уз семейной жизни». Поэтому «вместе с уничтожением позорных привилегий дворянства и чиновничества непременно должны уни-

чтожиться и… условия закрытого воспитания», «герметически закупоренный питомник», который порождает «загрубелость, отупение и ожесточение»[20]. Газета, противопоставляя институтам женские гимназии, повторяла мысли об институтском «education brilliante». Институты, таким образом, имели право на существование лишь как «филантропия в отношении сирот и неимущих», которую «вызывает несчастие, и потому сама идея… заключает в себя что-то скорбное и мрачное»[21].

В те же годы была развернута кампания против Донского Мариинского института «местной интеллигенцией, состоящей, впрочем, преимущественно из молодежи»: в «Азовском вестнике», «Воронежском листке», «Ростовских ведомостях» были напечатаны статьи весьма критического содержания, а в официальных «Донских ведомостях» появилась передовая статья «о несочувствии к институту общества, как о факте доказанном и всем известном». Донская пресса выражала «недоверие к системе институтского воспитания», утверждая, что родители отдают своих дочерей в институты, «потому что больше некуда»[22]. Местную газету поддержал столичный «Голос». По мнению издания, «опыт убедил родителей, что институтское воспитание вовсе неприменимо к быту бедных наших дворян», оно создает «барышень-белоручек»[23]. Инспектор классов Донского института, которого приводили в отчаяние эти нападки, взывая к своему петербургскому начальству, отмечал, что «постоянные печатные повторения все о том же несочувствии и даже “вреде” института, при невозможности отвечать печатно же на подобные выходки, могут произвести, наконец, желанное впечатление на многих родителей». В ответ он получил твердое заявление из Петербурга о том, что «заявляемая газетами оппозиция общества институтскому воспитанию в нашей печати не новость», несмотря на открытие новых учебных заведений, число институток не уменьшается, а «печатные нарекания на институты не составляют выражения общественного мнения, а суть праздная агитация лишь весьма немногих личностей, которым оппозиция почему-то кажется выгодной»[24].

Впоследствии институты надолго выпадают из сферы внимания периодических изданий, упоминания о них случайны и опосредованны. Лишь в период очередного резкого обострения общественно-политической ситуации в России, во время первой русской революции 1905–1907 гг., начинается новая агрессивная атака на институтское воспитание и образование.

О природе «отрицательного направления»: вместо заключения

В 60 гг. XIX в. закрытые женские институты Ведомства учреждений императрицы Марии подверглись самой нелицеприятной и безоговорочной критике периодической печати. Этот примечательный казус вызывает вопросы, ведь в общем критическом хоре участвовали редакции и авторы журналов и газет самых разных направлений – от радикальных до близких к официальным. Они не желали отдавать должное почти столетней работе русских женских институтов, благодаря деятельности которых тысячи девушек получили в их стенах образование, оценить накопленный ведомством опыт в области женского образования, который позволил ему открыть первые в России женские гимназии, замечать серьезнейшее реформирование всей институтской системы, проводившееся с конца 1850 гг.[25] В то же время в Западной Европе к подобным учебным заведениям относились с большим уважением[26].

Мариинские институты подвергались критике сразу в двух ипостасях. Во-первых, они были частью русской женской школы, которая, по общему мнению, не соответствовала требованиям времени. Во-вторых, закрытые женские институты представали

в глазах общества частью государственной машины (IV Отделение Собственной Его Имп. Величества канцелярии), воплощением гнета «старого режима». Глава Мариинского ведомства принц П.Г. Ольденбургский писал императору Александру II: «Некоторые из писателей известного цвета систематически враждуют против закрытых женских учебных заведений потому, что доступ в них идеям, проводимым этими господами, затруднен, по возможности, со всех сторон. Следовательно, в их видах необходимо дискредитировать эти заведения пред публикою во что бы то ни стало. Вот *цель* так называемых *обличительных статей*. Что касается средств, то над выбором их публицисты не задумываются и клевещут почти безнаказанно, ибо цензурное законодательство пока еще мало ограничивает личность от притязаний писателя »[27]. Действительно, для радикально настроенной молодежи институты, транслировавшие дворянскую культуру, были враждебны и идеологически, и эстетически. Однако к общему хору критиков присоединялись и умеренные круги. Дружные нападки на традиционное воспитание и образование русской женщины со всей очевидностью демонстрировали сильнейшее социальное напряжение, которое сопровождало быструю ломку привычных устоев. Свойственный России чрезвычайный характер модернизации, происходившей в самые сжатые сроки, порождал поляризацию общественных сил, отрицание традиций и общепринятых норм.

* * *

[1] См., напр.: Козьмин Б.П. Журналистика 60-х годов XIX века. М., 1948; Варустин Л.Э. Журнал «Русское слово» 1859–1866. Л., 1966; Колесникова Е.В. Польское восстание 1863–1864 гг. на страницах журнала «Библиотека для чтения» П.Д. Боборыкина // Вестн. Рос. гос. гум. ун-та. 2013. № 12; Пашаева Т.Н. Критическая деятельность Ф.М. Достоевского в журнале «Время». Полемика с М.Н. Катковым // Литературное обозрение: история и современность. 2011. № 1; Перевалова Е.В. Программа русского либерализма в первые годы правления Александра II (по материалам журнала М.Н. Каткова «Русский вестник») // Вестн. Воронежск. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2015. № 2; Корнацкий Н.Н. «Раскол в нигилистах»: итоги и перспективы изучения // Клио. 2015. № 4. (Koz'min B.P. Zhurnalistika 60-kh godov XIX veka. M., 1948; Varustin L.E. Zhurnal «Russkoe slovo» 1859–1866. Leningrad, 1966; Kolesnikova E.V. Pol'skoe vosstanie 1863–1864 gg. na stranitsakh zhurnala «Biblioteka dlya chteniya» P.D. Boborykina // Vestn. Ros. gos. gum. un-ta. 2013. № 12; Pashaeva T.N. Kriticheskaya deyatel'nost' F.M. Dostoevskogo v zhurnale «Vremya». Polemika s M.N. Katkovym // Literaturnoe obozrenie: istoriya i sovremennost'. 2011. № 1; Perevalova E.V. Programma russkogo liberalizma v pervye gody pravleniya Aleksandra II (po materialam zhurnala M.N. Katkova «Russkiy vestnik») // Vestn. Voronezhsk. gos. un-ta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika. 2015. № 2; Kornatskiy N.N. «Raskol v nigilistakh»: itogi i perspektivy izucheniya // Klio. 2015. № 4.)

[2] Песковский М.Л. К.Д. Ушинский. Его жизнь и педагогическая деятельность. СПб, 1893. С. 28. (Peskovskiy M.L. K.D. Ushinskiy. Ego zhizn' i pedagogicheskaya deyatel'nost'. Sankt-Peterburg, 1893. S. 28.)

[3] Филонов А. Русские педагогические журналы // Журнал министерства народного просвещения. 1861. Ч. 112. Отд. IV. С. 223–231. (Filonov A. Russkie pedagogicheskie zhurnaly // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1861. Ch. 112. Otd. IV. S. 223–231.)

[4] Добролюбов Н.А. Мысли об учреждении открытых женских школ (1858) // Добролюбов Н.А. Избранные педагогические произведения. М., 1952. С. 179. (Dobrolyubov N.A. Mysli ob uchrezhdenii otkrytykh zhenskikh shkol (1858) // Dobrolyubov N.A. Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya. Moskva, 1952. S. 179.)

[5] Современник. 1861. Т. 90. С. 5. (отд. пагинации). (Sovremennik. 1861. T. 90. S. 5.)

[6] «Институты благородных девиц» – неточное общеупотребительное название женских институтов Мариинского ведомства.

[7] Помяловский Н.Г. Молотов // Современник. 1861. № 10. Отд. I. С. 295–450. (Pomyalovskiy N.G. Molotov // Sovremennik. 1861. № 10. Otd. I. S. 295–450.)

[8] Письмо из провинции (Воспоминания старой институтки) // Русское слово. 1862. № 1. С. 1–8. (Pis'mo iz provintsii (Vospominaniya staroy institutki) // Russkoe slovo. 1862. № 1. S. 1–8.)

[9] Дневник темного человека // Русское слово. 1862. № 2. С. 31. (Dnevnik temnogo cheloveka // Russkoe slovo. 1862. № 2. S. 31.)

[10] Обращения столичного. Смесь // Русское слово. 1862. № 6. С. 67. (Obrashcheniya stolichnogo. Smes' // Russkoe slovo. 1862. № 6. S. 67.)

[11] Дневник темного человека // Русское слово. 1863. № 5. С. 22; Зайцев В. Домашняя летопись // Русское слово. 1865. № 7. С. 20–21. (Dnevnik temnogo cheloveka // Russkoe slovo. 1863. № 5. S. 22; Zaytsev V. Domashnyaya letopis' // Russkoe slovo. 1865. № 7. S. 20–21.)

[12] Учитель. 1862. Т. II. С. 319, 415, 531, 626, 1231, 1240–1241. (Uchitel'. 1862. T. II. S. 319, 415, 531, 626, 1231, 1240–1241.)

[13] См. также: Пономарева В.В. «Учитель» против «Гувернантки»: ремарка об одной журнальной полемике по женскому образованию // Меди@льманах. 2015. № 1. (Ponomareva V.V. «Uchitel'» protiv «Guvernantki»: remarka ob odnoy zhurnal'noy polemike po zhenskomu obrazovaniyu // Medi@l'manakh. 2015. № 1.)

[14] Головачев Г.Ф. О женских учебных заведениях // Русский вестник. 1860. Т. 28. Июль-авг. № 14–15. (Golovachev G.F. O zhenskikh uchebnykh zavedeniyakh // Russkiy vestnik. 1860. T. 28. Iyul'-avg. № 14–15.)

[15] РГИА. Ф. 759. Оп. 32. Д. 478. Л. 29 об.; см. также: РГИА. Ф. 759. Оп. 22. Д. 379. (RGIA. F. 759. Op. 32. D. 478. L. 29 ob.; RGIA. F. 759. Op. 22. D. 379.)

[16] Женские взятки // День. 1864. № 39. Сент., 26. С. 17–18. (Zhenskie vzyatki // Den'. 1864. № 39. Sent., 26. S. 17–18.)

[17] РГИА. Ф. 759. Оп. 32. Д. 478. Л. 11–42. (RGIA. F. 759. Op. 32. D. 478. L. 11–42.)

[18] РГИА. Ф. 759. Оп. 22. Д. 532. (RGIA. F. 759. Op. 22. D. 532.)

[19] РГИА. Ф. 759. Оп. 32. Д. 476. Л. 1–3. (RGIA. F. 759. Op. 32. D. 476. L. 1–3.)

[20] Система закрытого воспитания в России // Голос. 1865. № 314. С. 1. (Sistema zakrytogo vospitaniya v Rossii // Golos. 1865. № 314. S. 1.)

[21] Необходимость общего образования у женщин // Голос. 1866. № 167. С. 2. См. также: Из заметок старой пансионерки // Там же. 1866. № 18. (Neobkhodimost' obshchego obrazovaniya u zhenshchin // Golos. 1866. № 167. S. 2; Iz zametok staroy pansionerki // Tam zhe. 1866. № 18.)

[22] Голос (Новочеркасск). 1871. Февр., 21. (Golos (Novocherkassk). 1871. Fevr., 21.)

[23] Голос. 1871. № 110. Апр., 22. С. 2. (Golos. 1871. № 110. Apr., 22. S. 2.)

[24] РГИА. Ф. 759. Оп. 22. Д. 1895. 1871 г. Л. 1–17 об. (RGIA. F. 759. Op. 22. D. 1895. 1871 g. L. 1–17 ob.)

[25] В расчет не берутся ведомственные и официальные издания.

[26] См., напр.: Женские учебные заведения в Австрии // Журнал министерства народного просвещения. 1890. Ч. 270. С. 1, 18. (Zhenskie uchebnye zavedeniya v Avstrii // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1890. Ch. 270. S. 1, 18.)

[27] РГИА. Ф. 759. Оп. 32. Д. 478. Л. 37 об.–38. (RGIA. F. 759. Op. 32. D. 478. L. 37 ob.–38.)